

Клочков В. В. Радикализм и реформизм в политической полемике тори в Великобритании первой трети XIX в. / В. В. Клочков, В. С. Назарова, М. А. Пономарева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 445—462. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-445-462.

Klochkov, V. V., Nazarova, V. S., Ponomareva, M. A. (2022). Radicalism and Reformism in Political Controversy Tories in Great Britain in First Third of 19th Century. *Nauchnyi dialog*, 11(5): 445-462. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-445-462. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-445-462

Радикализм и реформизм в политической полемике тори в Великобритании первой трети XIX века

Клочков Виктор Викторович

orcid.org/0000-0003-1850-6096

ResearcherID B-4437-2019

доктор исторических наук, доцент,
кафедра социологии,
истории и политологии
vicpeel@mail.ru

Назарова Вероника Сергеевна

orcid.org/0000-0002-2583-121X

старший преподаватель,

кафедра социологии,
истории и политологии
doors80@mail.ru

Пonomарева Мария Александровна

orcid.org/0000-0001-8135-3067

ResearcherID M-1122-2016

Scopus Author ID 6603544114

доктор исторических наук, доцент,
кафедра отечественной истории
XX—XXI веков
ponomariya@sfnedu.ru

Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Radicalism and Reformism in Political Controversy Tories in Great Britain in First Third of 19th Century

Viktor V. Klochkov

orcid.org/0000-0003-1850-6096

ResearcherID B-4437-2019

Doctor of History, Associate Professor,
Department of Sociology, History
and Political Science
vicpeel@mail.ru

Veronika S. Nazarova

orcid.org/0000-0002-2583-121X

Senior Lecturer,

Department of Sociology, History
and Political Science
doors80@mail.ru

Maria A. Ponomareva

orcid.org/0000-0001-8135-3067

ResearcherID M-1122-2016

Scopus Author ID 6603544114

Doctor of History, Associate Professor,
Department of National History
of the XX—XXI centuries
ponomariya@sfnedu.ru

Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается радикальный и реформистский дискурс о природе и границах «народного элемента» в британской политической системе первой трети XIX века. Исследуются ключевые особенности этого дискурса и роль, которую он сыграл в формировании широкой идентичности тори. Показано, что в исследуемый период акцент политической полемики сместился с проблем суверенитета и королевской прерогативы к вопросам, связанным со справедливым народным представительством и характером необходимых политических реформ. Цель работы заключается в исследовании соотношения радикализма и реформизма в политической полемике тори в Великобритании первой трети XIX века. Этот тезис подтверждается документальными свидетельствами, в том числе и впервые введенными в научный оборот. Подчеркивается, что сложившаяся в исследуемый период широкая идентичность тори основывалась на приверженности идеалам конституционного устройства, установленным по итогам Славной революции. Также представлена авторская оценка того, каким образом различные подходы торийских группировок к вопросу о реформе размывали широкую идентичность тори, создавая базу для формирования политических идей консерватизма.

Ключевые слова:

Великобритания XIX века; британское конституционное устройство; партия тори; торийская идентичность, торийский политический дискурс; современная британская историография.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A radical and reformist discourse on the nature and limits of the “folk element” in the British political system in the first third of the 19th century is considered. The key features of this discourse and the role it played in shaping a broad Tory identity are studied. It is shown that during the period under study, the focus of political controversy shifted from issues of sovereignty and royal prerogative to issues related to fair popular representation and the nature of the necessary political reforms. The novelty of the study lies in the emphasis on the fact that it was the abuse of power by the “popular element” in the British constitutional system that was the main threat to sustainable development. This thesis is supported by documentary evidence, including those first introduced into scientific circulation. It is emphasized that the broad Tory identity that developed during the period under study was based on adherence to the ideals of the constitutional order, established as a result of the Glorious Revolution. The author’s assessment of how the various approaches of the Tory groups to the issue of reform eroded the broad identity of the Tories, creating a basis for the formation of political ideas of conservatism, is presented.

Key words:

Great Britain of the 19th century; British constitutional order; Tory party; Tory identity; Tory political discourse; contemporary British historiography.

УДК 94:329(410)“180/183”

Радикализм и реформизм в политической полемике тори в Великобритании первой трети XIX века

© Клочков В. В., Назарова В. С., Пономарева М. А., 2022

1. Введение = Introduction

В последней трети XVIII века главной темой в той части английской политической полемики, в которой затрагивались вопросы конституционного устройства страны, были проблемы происхождения суверенитета и границ королевской прерогативы [Клочков, 2021, с. 324—341]. Однако после окончания наполеоновских войн полемический акцент стал смещаться именно в сторону вопросов, связанных со справедливым народным представительством и характером реформ, которые подобное представительство могло обеспечить. Дж. Кларк справедливо полагает, что даже американская и французская революции воспринимались в британской политике скорее с точки зрения «лояльности и суверенитета, чем в отношении их связи с изменениями политического представительства и реформ», которые стали результатом этих социальных потрясений [Clark, 2000, p. 238].

Актуальность работы определяется аргументацией исследовательского тезиса о том, что на фоне радикальной агитации и широко распространенных требований парламентской реформы в первой трети XIX века решимость тори защитить конституцию от посягательств народа способствовала появлению их широкой идентичности, создав предпосылки к появлению консервативной партии. В свою очередь новизна исследования заключается в том, что отмеченный политический дискурс рассматривается во всей его полноте, с опорой на журналы «The Anti-Jacobin Review and Magazine», «Blackwood's Edinburgh Magazine», знаменитый своими консервативными симпатиями журнал «Quarterly Review» и на речи торийских политиков.

Также следует иметь в виду то обстоятельство, что в Великобритании нет писаной конституции в привычном нам смысле, поэтому использование термина *конституционное устройство* обладает в данном случае своей спецификой: речь идет о балансе и соотношении прерогатив короны и полномочий обеих палат парламента и кабинета министров.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В свое время Л. Колли указывала, что тори отнюдь не были аксиоматически против концепции парламентской реформы на протяжении XVIII сто-

летия, как не были против и «консервативные виги», но ровно до тех пор, пока Французская революция не наделила народное представительство «радикальными и подрывными коннотациями» [Coley, 1982, p. 170—173]. В свою очередь Дж. Сак отметил, что до 1819 года «довольно трудно найти какую-либо газету или журнал тори, которые открыто осуждали бы парламентскую реформу» [Sack, 1993, p. 151]. Более того, он пришел к заключению, что даже «когда кризис режима [тори] начался в 1828 году, не было ортодоксального отношения тори к парламентской реформе» [Ibid.]. Тем не менее по мере роста радикальной агитации в XIX веке, кульминацией которой стали 1819—1820 годы, откровенная оппозиция парламентской реформе справа получила более широкое распространение [Ibid., p. 151—152].

Отчасти такое изменение политической повестки было следствием отмеченных выше споров, затрагивающих прерогативу монарха. Георг III, находившийся на престоле с 1760 года, пользовался поддержкой легитимистов-тори и вызывал антипатии вигов во время американской и французской революций, активно вмешиваясь в работу парламента. С 1811 года умственное здоровье монарха находилось в состоянии крайнего расстройтва, однако принц-регент, который стал в 1820 году королем Георгом IV, практически не вмешивался в дела парламента, следуя традиции, заложенной его отцом. Действительно, несмотря на широко известное утверждение Дж. Кларка о том, что Британия оставалась «*ancien regime*» до 1832 года, даже он признает, что «монархия и ее прерогативы уже не занимали центральное место в политических спорах после 1815 года» [Clark, 2000, p. 238—239].

Подобное смещение фокуса политических дискуссий имеет несколько оснований. С одной стороны, с окончанием наполеоновских войн Великобритания была поражена изнурительной экономической депрессией, поиски выхода из которой так или иначе провоцировали полемику в стенах парламента. С другой стороны, возвращение Бурбонов к власти во Франции сделало политический режим периода Реставрации той моделью, которая могла быть воспринята политическим классом Великобритании как некая противоположность традиционной английской конституции. Именно вследствие этого обстоятельства парламентские дискуссии в Великобритании оказывались неизбежно сосредоточенными на эффективности представительной системы. В этом контексте тори продолжали утверждать, что монарх не должен опасаться конституционных посягательств как таковых, поскольку даже самая совершенная политическая система время от времени требует изменений. Скорее, столкнувшись с возрожденным народным радикализмом и растущими требованиями парламентской реформы, тори беспокоились о том, что «народное влияние» в английской конституционной системе возросло до опасной степени.

Решимость тори бороться с этим влиянием получила воплощение в авторитарной предрасположенности к подавлению народного радикализма, в оппозиции к всеобъемлющим конституционным изменениям и, что важно, в отличии идентичности тори от идентичности находящихся в оппозиции вигов. В связи с этим цель настоящей статьи заключается в исследовании соотношения радикализма и реформизма в политической полемике тори в Великобритании первой трети XIX века.

Указанная цель во многом предопределила характер источниковой базы исследования. Наряду с уже отмеченными выше журналами были проанализированы «речи по случаю», выходявшие в свет малыми тиражами в первой трети XIX века и сохранившиеся в локальных английских библиотеках. Некоторые отрывки из этих речей впервые введены в научный оборот в данной работе. В частности, это относится к речи члена парламента от партии тори в 1817—1832 годах и автора знаменитого трехтомника «Дневников и писем» Дж. У. Крокера, которую он произнес 4 марта 1831 года по вопросу билля о реформе парламента. Этот отрывок был обнаружен автором в библиотеке университета г. Саутгемптон в 2018 году и ранее не использовался в качестве источника при описании политического дискурса, на котором сосредоточено внимание в настоящей работе [JCS (1)].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussions

3.1. Радикализм и реформизм в политической полемике тори

Изучение указанных выше источников дает ясное понимание того, что после 1815 года большинство тори не испытывало сомнений относительно причин политического недовольства или главной угрозы политической стабильности в Великобритании. По мере нарастания недовольства и распространения радикальной агитации в период 1815—1820 годов торийские парламентарии неоднократно настаивали на том, что свободам британских подданных ни в коей мере не угрожает властная прерогатива, назначение которой в конституционном устройстве страны сводится лишь к тому, чтобы «способствовать равновесию конституции», а главную опасность представляет не корона, а «современные реформисты» [AJ, 1817, Vol. 51, № 225 (February), p. 635]. В цитируемой статье они прямо названы «демагогами, чье намерение состоит лишь в том, чтобы обмануть и предать невежественных, сосредоточившись на старой сказке ... о том, что наши страдания берут свое начало в частичном представительстве в палате общин и в коррумпированном правительстве» [Ibid., p. 636—637] (здесь и далее перевод наш. — *В. К., В. Н., М. П.*). В «Quarterly Review» известный английский поэт Роберт Саути оспорил требования парламентской реформы, поставив под сомнение ее мотивацию: «Находятся ли под угро-

зой их [народные] свободы? Разве парламент вот-вот будет приостановлен или выведен из употребления [?] ... Считают ли они, что конституционный порядок власти должен быть установлен ... лишь штыками ганноверцев?» [QR, 1816, № 16 (31) (October), p. 261].

По мнению большинства торийских публицистов, если британской конституции и угрожали подрывной деятельностью в период между 1815 и 1820 годами, то эта угроза исходила исключительно от «народной ветви» конституции, которая, как было метко отмечено в “The Anti-Jacobin Review and Magazine”, поразительно «пышно разрослась» за ее пределы. В качестве доказательства того, что «неконституционное господство направлено народом», в журнале отмечалось, что нужно только изучить «диктаторский язык» реформаторов и проследить их попытки сделать «принца-регента одиозным в глазах низших классов». Целью этих нападений было «подорвать его авторитет и подорвать основу его королевской прерогативы». Также отмечалось: «Как показали события во Франции в последнее время, такое поведение служило лишь прелюдией к революции» [AJ, 1817, Vol. 51, № 225 (February), p. 638]. Таким образом, политический дискурс тори совершенно явным образом строился на том, что народные свободы не уменьшились, а увеличились, и теперь именно это их «увеличение» угрожало подорвать власть короны и устоявшееся конституционное устройство.

В ответ на вызов народного недовольства торийская публицистика предлагала ряд авторитарных аргументов и мер, причем риторика тори была куда более жесткой, чем у оппозиционных вигов. Р. Саути настаивал, что «там, где опасность неизбежна, должны применяться сильные средства правовой защиты» [QR, 1817, № 16 (32) (January), p. 513]. Предлагаемые тори «сильные средства» правовой защиты появились в 1817 году, когда было приостановлено действие «Habeas Corpus Act», и завершились в 1819 году серией репрессивных мер, позже получивших печальную известность как «Шесть актов». Эти меры стали следствием несанкционированного массового собрания в Сейнт Питерс филд в августе 1819 года, когда 50 тысяч человек собралось на окраине Манчестера, чтобы услышать реформистскую речь радикала Генри Ханта. Неумелые действия местных магистратов и неоднозначные инструкции, исходящие от министра внутренних дел лорда Сидмута, привели к тому, что, когда власти попытались проникнуть в толпу и арестовать оратора, привлекая для этого военные силы, 11 человек были убиты и более 650 ранены [Poole, 2006, p. 254]. Беспорядки по поводу массовых народных волнений высказывали тогда и находящиеся в оппозиции виги. Тем не менее эта группа выступала за уступки и примирение, тогда как практикуемые тори репрессии воспринимались ими как «анафема для концепции британской свободы» [Austin,

1967, p. 13]. В дальнейшем это особое партийное отношение только усилилось, проводя грань между сторонниками тори и вигов.

Виги призвали к парламентскому расследованию «Питерлоо» (такое название получил инцидент в Сейнт Питерс Филд по горькой аналогии с битвой при Ватерлоо) и выступили с яростной оппозицией репрессивному законодательству, предложенному торийским правительством лорда Ливерпула для подавления радикализма. Торийская пресса реагировала на позицию вигов весьма раздраженно. Один рецензент в журнале «Blackwood's Edinburgh Magazine» жаловался, что «худшей из всех особенностей нынешнего сотрясаемого со всех сторон положения дел в нашей стране было поведение не реформаторов, а вигов», которые продолжали «поддаваться народному протесту и увеличивать всеми доступными им средствами трудности избранных хранителей государства» [ВЕМ, 1819, Vol. 6, № 32 (November), p. 211]. В парламенте один из наиболее ярких ораторов тори и будущий премьер-министр Дж. Каннинг подверг резкой критике тех, кто не смог поддержать решимость администрации: «Тот, кто прислушивается к доктринам, в которых подвергается нападкам конституция страны и оскорбляется величие трона, но сомневается в том, что среди тех, кто говорит на таком языке, существует замысел свергнуть всю власть, тот безразличен к сохранению прав и привилегий, которыми он недостоин пользоваться» [CS, 1820, 15 March, p. 281]. Таким образом, широкому авторитарному консенсусу тори во многом способствовало возрождение угрозы британской конституции со стороны различных групп радикалов, что в свою очередь усиливало доктринальные различия между тори и вигами.

Однако далеко не всякое расширение свобод подданных английской короны было встречено тори столь враждебно. Некоторые свободы, такие как частичная публикация парламентских дебатов (напомним, что до судебного решения 1836 года по делу *Hansard vs Stockdale* публикация отчетов была привилегией палаты общин), воспринимались ими как ценное дополнение к уже существующим правам [QR, 1820, № 22 (44) (January), p. 536]. Кроме того, тори никогда публично не посягали на право подданных встречаться, подавать петиции или обсуждать направляемые в палату общин жалобы [CS, 1820, 18 March, p. 304]. Но большие публичные митинги всегда вызывали у них резкую авторитарную реакцию, которая заметно усилила антипопулистские черты в идеологии тори.

3.2. Политические основания полемики тори

При этом логика тори выстраивалась следующим образом: репрессивные меры вместо того, чтобы посягать на свободы подданных, обеспечивают необходимое и оправданное средство их защиты. При этом отмечалось, что радикалами были приложены огромные усилия, чтобы убедить страну

в том, что их свободы были существенно ограничены регулированием народных собраний. Однако парламентский «Акт о подстрекательстве к мятежу» (Seditious Meetings Act) оставил «нетронутыми права подданных на все конституционные способы собраний, которые были известны нации с тех пор, как она стала свободной», то есть со времен Славной революции 1688 года [CS, 1820, 18 March, p. 303]. В «Quarterly Review» использовалась сходная риторика: один из рецензентов торийского журнала утверждал: «Рассматривая законодательные изменения, затрагивающие в той или иной степени народные свободы ..., важно понимать ..., что в 1689 году собрание огромных и беспорядочных толп с простой целью обсуждения ... не было явно запрещено» [QR, 1820, № 22 (44) (January), p. 535] Таким образом, тори продолжали подчеркивать свою верность идеалам 1688 года: члены кабинета министров по-прежнему ощущали себя «слугами короны», полагая, что со времен Славной революции народные свободы лишь возросли и достигли такой степени зрелости, что появилась возможность злоупотребления ими.

Славная революция 1688 года оставалась для торийских публицистов ключевым моментом размышлений о природе идентичности тори и виггов и в первой трети XIX века. Дж. Сак предполагает, что торийская пресса этого периода значительно дистанцировалась от «исторической “партии тори” до 1760 года, все более неохотно принимая само название “тори”» [Sack, 1993, p. 70]. Однако этот процесс, как уже отмечалось, сочетался с ревностной приверженностью институтам, сохранившимся со времен исторического перелома 1688—1689 годов. В первой трети XIX века эта приверженность проявлялась прежде всего в претензии тори на историческую, «истинную» традицию виггов. В 1817 году Р. Саути раскритиковал якобитов как группу, подобную католикам, которые «денатурализовали себя в глубине души» через верность «иностранный державе» [QR, 1817, № 16 (32) (January), p. 524—525]. Впоследствии «Blackwood’s Edinburgh Magazine» утверждал, что «торизм в 1823 году был представителем виггизма в 1688 году», причем автор призывал читателей к «категорическому отстранению от спорных идей, которые лежали в основе идеологии божественного права». Он утверждал, что «некогда само имя тори ... было отвратительным из-за его связи с опасными и взорванными доктринами Стюартов ... Но время меняет дух титулов, а также людей, и ныне в своем искреннем почитании Конституции в Церкви и государстве торизм ... поддерживает дух нашей Славной революции» [BEM, 1823, № 14 (78) (July), p. 78]. К моменту появления в 1823 году в правительстве лорда Ливерпула «новых», или «либеральных тори» (прежде всего герцога Веллингтона и Р. Пиля) эти доктрины действительно были оставлены, а идентичность тори была серьезно пересмотрена. В первой трети XIX века эта идентич-

ность еще отчасти подкреплялась авторитарными и антипопулистскими аргументами, но с абсолютистскими концепциями, базирующимися на идее «божественного права королей», было покончено.

Процесс пересмотра идентичности тори был ускорен в первой трети XIX века повышенной напряженностью в отношении католического вопроса [Sack, 1993, p. 71]. Действительно, тот самый корреспондент «Blackwood's Edinburgh Magazine», предложивший отказаться от термина *тори*, продолжил критиковать «старых тори» за то, что они «смотрят на Римскую церковь полным предвзятости взглядом»; он же хвалил «старых вигов» за то, что они, «признавая связь между произволом власти и католицизмом», были более гибкими в использовании «эффективных средств для обеспечения протестантского господства» [ВЕМ, 1823, № 14 (83) (December), p. 667]. Идентификация с консервативной или «старой» идеологической линией вигов означала, что защита позиции короны больше не влечет за собой защиту произвола власти или даже господства короны в конституционном механизме. Скорее, королевская прерогатива защищалась теперь тори в качестве неотъемлемого институционального элемента этой системы, который защищал нацию от преобладания «эмансипированного народа». Таким образом, подобно дискурсам старых тори и консервативных вигов в конце XVIII века, тори первой трети XIX века приняли консервативную интерпретацию событий 1688 года, что позволило им отвергнуть спорные доктрины прошлого торизма, одновременно поддерживая и защищая власть короны.

3.3. Тори и проблема политического представительства

Очевидное оживление радикализма и периодическое возрождение давления борцов за парламентскую реформу — (сначала в 1816—1823 годах, а затем в 1830—1832 годы — послужили консолидации политических фракций внутри палаты общин. Современный исследователь Ф. О'Горман отмечает, что в 1815—1818 годах 274 депутата палаты общин голосовали исключительно за правительство, 192 — исключительно за оппозицию (всего 71 % депутатов), в то время как 78 депутатов (12 %) голосовали, периодически солидаризуясь с той или иной стороной, а 114 депутатов (17 %) было трудно назвать приверженцами определенной политической линии [O'Gorman, 1997, p. 124; VR, p. 200; O'Gorman et al., p. 68]. Однако те, кто колебался, чаще всего голосовали в поддержку торийского правительства лорда Ливерпула в случаях, когда законодательные предложения последнего оказывались под серьезной угрозой. [Hill, 1985, p. 195]. Поддержка вигами парламентской реформы была представлена торийской публицистикой как еще одна ошибочная попытка атаковать полномочия короны. В 1820 году Дж. Каннинг описал стороны как вовлеченные в «насилованный конфликт» по поводу того, что англичане должны поддерживать в неприкосновенности монархию, при ко-

торой страна так долго процветала [CS, 1820, 15 March, p. 284]. Но должны ли они — ставил он далее вопрос — тратить свои силы на бурю в стакане воды, выступая в пользу парламентской реформы, задуманной под предлогом совершенствования конституции, рискуя впоследствии оказаться перед фактом ее полного разрушения? [Там же].

На фоне дебатов по законопроекту о реформе парламента «Blackwood's Edinburgh Magazine» представил аналогичный по составу аргументов анализ ситуации. Виги, не способные «избавиться от королей по имени и личности», теперь стремились уничтожить монарха «по существу и власти». Неизбежным следствием реформы было бы превращение власти короля в чисто номинальную: он «не должен был быть правителем или даже равным подданному; он должен быть рабом-душеприказчиком последнего»; если «доктрины божественного права и легитимности ошибочны, это вовсе не означает, что король не имеет никаких прав» [ВЕМ, 1821, № 30 (187) (November), p. 705—706]. Таким образом, тори продолжали защищать корону, даже не апеллируя к аргументам старого торизма, а их решимость «защищать конституцию и, в частности, полномочия короны от народного посягательства» определяла четкое различие между ними и вигами [JCS (1), p. 17].

В первой трети XIX века тори со всей последовательностью утверждали, что всеобъемлющая перестройка избирательной системы не сможет разрешить реальные проблемы нации. В 1816 году Р. Саути обвинил «апостолов анархии» в том, что они используют «временное и частичное бедствие», чтобы разжечь толпу «к мятежу и восстанию» [QR, 1816, № 16 (31) (October), p. 226]. Он отметил, что вовсе не случайно требования политических реформ совпадали с приступами изнурительной экономической депрессии. Р. Саути четко показал, что большие расходы военного времени удерживали британскую экономику на плаву, способствуя спросу, и именно их сокращение привело к падению рынков и депрессии. Более того, в разгар конфликта иностранные государства научились производить товары, ранее экспортируемые Великобританией. Эти факторы сочетались с плохим сельскохозяйственным сезоном, причины которого вряд ли можно было связать с недостатками репрезентативной системы [QR, 1816, № 16 (31) (October), p. 245]. Здесь обращает на себя внимание главный аргумент тори: «Поскольку британская конституция и парламентская система не были причиной существующего бедствия, так и никакие изменения в этой конституции не могут ни в малейшей степени ни облегчить это бедствие, ни принести пользу народу каким-либо иным образом» [Ibid., p. 272]. Этот аргумент повторялся и в ходе прений по реформе парламента в 1831—1832 годах. Когда в 1831 году в палату общин был внесен первый билль о реформе политического пред-

ставительства, очередной экономический кризис был в разгаре и тори снова отрицали, что парламентская реформа будет решением проблемы [JCS (2), p. 605—606]. Спустя полгода герцог Веллингтон зашел так далеко, что обвинил в экономической депрессии сам законопроект. Он писал: «Как только этот билль был предложен ... те, кто ранее жил, исходя из полной суммы своих доходов, стали считать это своими процентами ... и именно этим обстоятельствам я склонен приписывать недостаток коммерции и торговли в стране» [WS, Vol. 2, p. 532—533].

Таким образом, в первой трети XIX века все еще существовала некоторая двусмысленность в отношении того, что на самом деле представляет собой сбалансированная конституция Великобритании. Тем не менее аргументы тори, изложенные выше, давали понять, что конституционный баланс будет нарушен растущим влиянием «народа» в палате общин. «The Anti-Jacobin Review and Magazine» выдвинул знакомое обоснование того, что британская конституция была структурой, в которой «три возможные формы правления» были «смешаны в одну гармоничную систему», при этом указывалось, что «безопасность, благополучие и счастье нации ... подвергаются опасности, когда какая-то из форм начинает преобладать» [AJ, 1817, Vol. 52, № 229 (June) p. 351]. На этом основании Дж. Ганн высказал обоснованное предположение, что торийские публицисты первой трети XIX века все чаще исходили из того, что сбалансированный характер конституции должен быть проявлен прежде всего в палате общин [Gunn, 1974, p. 320—327]. Сходной была позиция, занятая обозревателем «Blackwood's Edinburgh Magazine», высказавшим предположение, что «какой бы ни была теория конституции ..., ее фактический смысл заключается в том, что три власти уравновешивают себя в палате общин» [BEM, 1831, № 29 (178) (March) p. 435]. Реформа же политического представительства неизбежно увеличит «народное влияние» в палате общин, которое, по мнению тори, уже давно набирает силу. «Неизбежным результатом» этого увеличения будет «эффективное исключение (полное или частичное) того влияния, которым до сих пор обладали в этой стране аристократия и корона», отмечалось в одной статье в «Quarterly Review» [QR, 1831, № 44 (88) (February) p. 579]. Ее автор писал, что «это привело бы к полному расстройству того механизма, с помощью которого до сих пор движения парламентской машины регулировались, контролировались и стабилизировались» [Ibid.]. Наконец, аналогичным образом высказался в палате лордов и герцог Веллингтон, который настаивал на том, что, если «три ветви власти» короля, лордов и палаты общин будут разделены и каждая из них станет «независимой от другой и неконтролируемой в своих действиях», правительство станет «неосуществимым» [WS, Vol. 1, p. 470]. Таким образом,

по мнению торийских обозревателей, монархическое и аристократическое влияние в нижней палате было совершенно необходимо для поддержания равновесия в британском конституционном механизме.

3.3. Отношение тори к реформам в сфере политического устройства

Характерно, что в обоснование своей позиции тори приводили примеры из истории других государств, показывающие, что расширение власти народного представительства может происходить только за счет других конституционных ветвей власти. Во время подготовки билля о реформе парламента свежий пример был дан революционными событиями во Франции. В 1831 году «Blackwood's Edinburgh Magazine» посвятил целую серию эссе французской революции 1830 года и парламентской реформе как преобладающим темам дня, сразу же связав их. Частые размышления о природе Французской революции 1789 года, предпринятые торийскими авторами журнала, показали, что целью этой серии эссе было не просто установление параллелей с современными беспорядками во Франции. В этих публикациях администрацию вигов лорда Грея часто сравнивали с банкиром Неккером и французским либеральным дворянством, которые искали популярности, чтобы завоевать должность, высвобождая дух, который, по мнению тори, они теперь не смогли бы контролировать [ВЕМ, 1831, № 29 (180) (May) p. 761]. По мнению тори, события 1793 года служили важным уроком против уменьшения власти короны в ответ на народные требования: «Людовик XVI ... шел на поводу у народа. Нация требовала Генеральных штатов — он их созывал; они требовали народного представительства и удвоение числа депутатов от Tiers Etat — он безропотно соглашался; требовали отмены феодальных прав — он их отменял. Он согласился отказаться от всех прерогатив его короны ... Вся его жизнь была одной непрерывной чередой уступок и реформ, и взамен его вывели на эшафот» [Ibid.]. Что же касается Великобритании, то она в конце XVIII века, по мнению тори, предложила альтернативный пример: британская конституция была «спасена», а урок, вынесенный из революционных событий во Франции, состоял в том, что не чувство справедливости, а «простая сила человеческой порочности возбуждала в нации дух, который быстро становился неконтролируемым» [ВЕМ, 1831, № 30 (182) (July) p. 31]. Таким образом, тори утверждали, что народный бунт в любом случае должен быть встречен сопротивлением, поскольку уступка приведет к конституционному краху. Эта позиция подчеркивала авторитарный и антипопулистский характер идентичности тори в первой трети XIX века.

Однако следует помнить, что далеко не все тори были против понятия реформы. Так, «либеральные тори» в том числе Дж. Каннинг и лорд Ливерпул, премьер-министр с 1812 по 1827 годы, признавали необходимость

проведения незначительных реформ в конкретных случаях, когда те или иные злоупотребления были явным образом продемонстрированы. Здесь мы сталкиваемся с еще одним интересным проявлением консервативной доктрины: изменения необходимы лишь в том случае, когда они предотвращают недовольство явными пороками конституционной системы. Как пояснил некогда Дж. Каннинг, реформа должна происходить «по принципу конкретного наказания за правонарушение, ... но не с целью продвижения радикальных изменений, системы, а скорее для того, чтобы предотвратить их путем устранения “конкретных несоответствий”» [CS, 1820, 18 March, p. 321—322]. Аналогичным образом в 1821 году лорд Ливерпул поддержал билль, предложенный вигом, лордом Дж. Расселом, и принятый палатой общин, о лишении избирательных прав корнуэльского «гнилого местечка» Грэмпаунд за коррупцию. В то время как ультра-тори, включая лорда-канцлера Элдона, активно сопротивлялись принятию этого билля, Ливерпул объяснил, что он поддерживает «нынешний законопроект не потому, что он был близок парламентским реформаторам, а потому, что он устранял конкретный повод для недовольства» [Gash, 1984, p. 172]. Важно отметить, что лорд Ливерпул выступил против более радикального предложения Дж. Рассела о переводе двух мест, некогда принадлежавших Грэмпаунду, городу Лидс на том основании, что «это будет представлять собой разрыв с прецедентом». Вместо этого Ливерпул внес успешную поправку о передаче упомянутых мест графству Йоркшир [Ibid., p. 173]. Лорд Ливерпул и Дж. Каннинг не были приверженцами общих спекулятивных схем, которые расширяли бы «народную основу» конституции, поскольку «принципы торизма» опираются на ясно объявленную оппозицию диким теориям неопределенных реформ, которые стремились не исправлять, а разрушать; не исправлять то, что может быть неправильным в системе представительства, но «стремиться к системе, основанной исключительно на том, что называется властью народа» [CS, 1820, 8 March p. 242].

После смерти Каннинга, в 1827 году, принцип консервативного улучшения был поддержан новой группой «либеральных тори», включая герцога Веллингтона и будущего премьер-министра и основателя консервативной партии Р. Пиля. Однако в 1828 году этот принцип был использован для оправдания изменений в избирательной системе, идущих значительно дальше от «прецедента Грэмпаунда». Коррупция в районах Пенрин и Ист-Редфорд убедила министров в том, что избирательное право этих «гнилых местечек» должно быть передано Манчестеру и Бирмингему. Первоначально был достигнут компромисс, в соответствии с которым право голоса на выборах в парламент от Пенрина будет передано Манчестеру, а от Ист-Редфорда — в округ Бассетлоу, где «ультра-тори», герцог Ньюкасл, мог беспрепятственно

избираться. Однако этот компромисс был сорван, когда палата лордов провела собственное расследование и пришла к выводу, что обвинения в избирательной коррупции в местечке Пенрин не имеют под собой достаточных оснований. Впоследствии группа «либеральных тори» Дж. Каннинга, теперь возглавляемая У. Хаскиссоном, проголосовала против правительства в отношении избирательного права Ист-Редфорда, утверждая, что эти места должны перейти к Бирмингему. Хаскиссон утверждал: это «лучший курс — не только в отношении общих интересов, но и самый безопасный и самый благоразумный для тех, кто, как и я, хочет защититься от растущей опасности абстрактных и общих реформ» [WHS, Vol. 3, p. 480]. По его мнению, предоставление избирательных прав в Бирмингеме было единственным средством, с помощью которого опасность, создаваемая Бирмингемским политическим союзом, образованным в 1829 году для «поднятия всеобщего призыва к парламентской реформе», могла быть нейтрализована [Ibid., p. 481].

Поддержка У. Хаскиссоном передачи франшизы Ист-Редфорда в Бирмингем была значимой в двух отношениях. Во-первых, несмотря на свою поддержку этой меры, У. Хаскиссон продолжал объявлять себя решительным «врагом того, что называется парламентской реформой в принципе; то есть любой общей реформы в формировании палаты общин, которая основана на принципе теоретического совершенствования» [Ibid., p. 491]. Тем не менее его политика была противоречивой: предоставляя растущему промышленному городу доступ к избирательному праву, У. Хаскиссон не мог не осознавать того, какую угрозу это представляет в перспективе для традиционного торийского «земельного интереса». Эта позиция не соответствовала мнению большинства тори, которые продолжали защищать господство земельной собственности как необходимого элемента в британской конституции. В 1830 году герцог Веллингтон указал, что «представительство народа в настоящее время содержит большую часть собственности страны ... в котором земельный интерес имеет преобладающее влияние», и это преобладание он одобрил [WS, Vol. 1, p. 338]. Выступая в палате лордов, он говорил: «Если я когда-нибудь столкнусь с созданием конституции, то попытаюсь сделать ее как можно более приближенной к уже существующей, в которой собственность и особенно собственность на землю должна быть преобладающей» [Ibid., p. 458]. Разногласия, возникшие в рядах тори в отношении политического статуса «земельного интереса» и растущего значения промышленности и городов в британской экономике, создавали очевидную брешь в идентичности тори. Достаточно признать, что «либеральный» характер У. Хаскиссона, особенно в отношении экономических вопросов, гарантировал ему не только конфликты с «ультра-тори», но и фактическое изгнание из партии к моменту его смерти в сентябре 1830 года.

Вторая «пробоина» в торийской идентичности касалась вопроса об эмансипации католиков (предоставлении им гражданских и политических прав, в том числе права быть избранными в палату общин). По иронии судьбы именно отставка У. Хаскиссона привела к дополнительным выборам в ирландском графстве Клэр и последующим выборам лидера движения за эмансипацию Д. О'Коннелла в парламент. Результаты этих выборов имели огромное значение для решения вопроса об эмансипации католиков, в конечном итоге обеспечив проходимость соответствующего билля в парламенте, пока кабинет Веллингтона находился у власти. Таким образом, к 1830 году последний торийский кабинет потерял поддержку не только «либеральных тори», окружавших У. Хаскиссона, но и поддержку примерно 40 «ультра-тори» [O'Gorman, 1997, p. 359]. Более того, «ультра-тори» и поддерживающие их издания и политики выступили тогда в поддержку умеренной реформы парламентского представительства. Впрочем, эту поддержку не следует переоценивать: влиятельные «ультра-тори», включая Р. Вивиана, Ч. Уэзерелла и герцога Ньюкасла, оставались противниками перемен. Даже там, где «ультра-тори» поддерживали реформу парламента, они были мотивированы не симпатией к демократии, а возмущением по поводу растущего либерализма правительства, что, по их мнению, привело к экономическому краху и принятию билля об эмансипации католиков. В ноябре 1830 года последнее правительство тори герцога Веллингтона потерпело поражение по предложениям, касающимся сокращения гражданского списка (233 голоса против 204 голосов), при этом «ультра-тори» проголосовали 33 голосами против 8 в пользу предложений оппозиции. Администрация подала в отставку, и виги под руководством лорда Грея, наконец, пришли к власти [Ibid., p. 360]. В мае 1831 года, через два месяца после того, как первый законопроект о реформе был принят палатой общин, виги одержали победу и на выборах в парламент. «Blackwood's Edinburgh Magazine» утверждал тогда, что именно «фатальные разногласия в партии тори привели страну к ее нынешнему опасному состоянию» [Hilton, 2006, p. 421].

4. Заключение = Conclusions

Успех вигов на парламентских выборах 1831 года обеспечил принятие второго билля о реформе политического представительства, который прошел в палате общин с комфортным большинством в 136 голосов. Противостояние переместилось в палату лордов, где разногласия между тори и вигами спровоцировали уличные беспорядки в Лондоне. В мае 1832 года «Blackwood's Edinburgh Magazine» прямо посетовал на «влияние демократического пыла на пэров» [BEM, 1832, № 31 (194) (May), p. 854]. В то время как «шесть месяцев назад» лорды «отклонили законопроект по су-

шеству таким же, как и сейчас, большинством в сорок один голос», они «теперь приняли его большинством в девять голосов» [Ibid., p. 855]. По мнению торийского обозревателя, «перед лицом демократической победы только одно могло спасти нацию от разрушения: правительство тори, идентифицированное в принципе, по ощущениям и по духу, с народом тори» [Ibid., p. 855—856]. Однако надежды автора оказались несбыточными: билль о реформе получил королевское одобрение в июне 1832 года.

Таким образом, становится очевидно, что, во-первых, в отношении «гражданского элемента» традиционной британской конституции развитию особой идентичности тори способствовало беспокойство, диаметрально противоположное опасениям оппозиции. Тори полагали, что именно узурпация власти народом представляет собой главную конституционную опасность. Реагируя на заблуждения относительно происхождения политического суверенитета и права на сопротивление, отношений между законодательной и исполнительной властью или требований парламентской реформы, тори последовательно выражали желание защитить конституцию от посягательств народа. Во-вторых, в конце XVIII века пересмотр старой идеологии тори, в частности отход от понятий абсолютной монархической власти и неотъемлемого права на трон, позволил тори присвоить себе статус последовательных защитников королевской прерогативы и, с учетом долголетнего пребывания тори у власти, «министров короны». Именно это составляло главное отличие тори от оппозиционных им вигов в начале XIX века и способствовало появлению новой идентичности тори. Эта идентичность разительно отличалась от идентичности вигов и подкреплялась ревностной приверженностью идеалам конституционного устройства, установленным в ходе Славной революции. В-третьих, уже в первой трети XIX века перед лицом требований парламентской реформы торизм стал характеризоваться ярко выраженной антипопулистской позицией, которая фактически стала формой защиты королевской прерогативы. Очевидная для тори необходимость защищать корону от властных притязаний палаты общин стала важной чертой их публичной политической риторики, нашедшей яркое отражение в торийской политической публицистике. Наконец, хотя среди тори возникли существенные разногласия по вопросу парламентской реформы, «бреши в идентичности», которые в конечном итоге стали фатальными для правительства герцога Веллингтона, коренились не только в этом, но и в различных реакциях на меняющиеся экономические условия Великобритании и проблему эмансипации католиков. Все это позволяет говорить о том, что с таким трудом обретенная в первой трети XIX века «новая торийская идентичность» оказалась не соответствующей тем формам партийной организации тори, которые преобладали в изучаемый период.

Источники и принятые сокращения

1. AJ — *The Anti-Jacobin Review and Magazine* (1798—1821).
2. BEM — *Blackwood's Edinburgh Magazine* (1817—1902).
3. CS — *Speech on 1820*, 15 March // *Speeches of the Right Hon. George Canning Delivered on Public Occasions in Liverpool* / Ed. by T. Kaye. — Liverpool : Anon., 1825.
4. JCS (1) — *The Speech of the Right Hon. John Wilson Croker on the Reform Question on Friday, March 4, 1831*. — London, 1831.
5. JCS (2) — *The Speech of the Right Hon. John Wilson Croker on the Question that Reform Bill Do Pass on Tuesday, September 22, 1831*. — London, 1832.
6. QR — *Quarterly Review* (1809—1906).
7. VR — *Voting Results of the House of Commons, 1761—1820* / Ed. by D. Ginter. — London : Hodder&Stoughton, 1995. — Vol. VI. — XV, 622 p.
8. WHS — *The Speeches of the Right Hon. William Huskisson*. — London : John Murray, 1831. — Vol. 3. — 688 p.
9. WS — *The Speeches of the Duke of Wellington in Parliament* / Ed. by Col. Girwood. — London : Whatley, 1854. — Vol. 1. — 760 p.

Литература

1. Ключков В. В. Происхождение суверенитета и границы королевской прерогативы в торийской политической полемике в Великобритании последней трети XVIII в. / В. В. Ключков // *Научный диалог*. — 2021. — № 9. — С. 324—341. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-324-341.
2. Austin M. *The Whigs in Opposition, 1815—1830* / M. Austin. — London : Longman, 1967. — 288 p.
3. Clark J. C. D. *English Society 1660—1832 : Ideology, Social Structure and Political Practice During the Ancien Regime* / J. C. D. Clark. — London : Longman, 2000. — 412 p. — ISBN 0-521-66180-3.
4. Coley L. *In Defiance of Oligarchy : The Tory Party, 1714—1760* / L. Coley. — Cambridge : University Press, 1982. — 386 p.
5. Gash N. *Lord Liverpool : the Life and Politic Career of Robert Banks Jenkinson, Second Earl of Liverpool, 1770—1828* / N. Gash. — London : Longman, 1984. — 408 p.
6. O'Gorman F. *Party Politics in the Early Nineteenth Century (1815—1832)* / F. O'Gorman, P. Fraser // *English Historical Review*. — 1987. — Vol. 102. — № 402 (January). — Pp. 54—71.
7. O'Gorman F. *The Long Eighteenth Century : British Political and Social History, 1688—1832* / F. O'Gorman. — London : Hodder&Stoughton, 1997. — 438 p. — ISBN 034056752X.
8. Gunn J. A. W. *Influence, Parties and the Constitution : Changing Attitudes, 1783—1832* / J. A. W. Gunn // *The Historical Journal*. — 1974. — Vol. 17. — № 2. — Pp. 320—327.
9. Hill B. W. *British Parliamentary Parties, 1742—1832 : From the Fall of Walpole to the First Reform Act* / B. W. Hill. — London : Penguin, 1985. — 316 p.
10. Hilton B. *A Mad, bad and Dangerous People? England, 1783—1846* / B. Hilton. — Oxford : Clarendon Press, 2006. — 782 p. — ISBN 0-19-822830-9.
11. Poole R. «By the Law or by the Sword» : Peterloo Revisited / R. Poole // *History*. — 2006. — Vol. 91. — № 302. — Pp. 250—263.
12. Sack J. *From Jacobite to Conservative : Reaction and Orthodoxy in Britain, 1760—1832* / J. Sack. — Cambridge : University Press, 1993. — 292 p. — ISBN 0-521-43266-9.

Material resources

- Blackwood's Edinburgh Magazine* (1817—1902).
- Ginter, D. (1995). *Voting Results of the House of Commons, 1761—1820, VI*. London: Hodder&Stoughton. XV, 622 p.
- Girwood, Col. (ed.). (1854). *The Speeches of the Duke of Wellington in Parliament, 1*. London: Whatley. 760 p.
- Jacobin Review and Magazine* (1798—1821).
- Kaye, T. (ed.). (1825). Speech on 1820, 15 March. In: *Speeches of the Right Hon. George Canning Delivered on Public Occasions in Liverpool*. Liverpool: Anon.
- Quarterly Review* (1809—1906).
- The Speech of the Right Hon. John Wilson Croker on the Reform Question on Friday, March 4, 1831*. (1831). London.
- The Speech of the Right Hon. John Wilson Croker on the Question that Reform Bill Do Pass on Tuesday, September 22, 1831*. (1832). London.
- The Speeches of the Right Hon. William Huskisson, 3*. (1831). London: John Murray. 688 p.

References

- Austin, M. (1967). *The Whigs in Opposition, 1815—1830*. London: Long-man. 288 p.
- Clark, J. C. D. (2000). *English Society 1660—1832: Ideology, Social Structure and Political Practice During the Ancien Regime*. London: Longman. 412 p. ISBN 0-521-66180-3.
- Coley, L. (1982). *In Defiance of Oligarchy: The Tory Party, 1714—1760*. Cambridge: University Press. 386 p.
- Gash, N. (1984). *Lord Liverpool: the Life and Politic Career of Robert Banks Jenkinson, Second Earl of Liverpool, 1770—1828*. London: Longman. 408 p.
- Gunn, J. A. W. (1974). Influence, Parties and the Constitution: Changing Attitudes, 1783—1832. *The Historical Journal*, 17 (2): 320—327.
- Hill, B. W. (1985). *British Parliamentary Parties, 1742—1832: From the Fall of Walpole to the First Reform Act*. London: Penguin. 316 p.
- Hilton, B. (2006). *A Mad, bad and Dangerous People? England, 1783—1846*. Oxford: Clarendon Press. 782 p. ISBN 0-19-822830-9.
- Klochkov, V. V., Nazarova, V. S. (2021). Origin of Sovereignty and Boundaries of Royal Prerogative in Tory Political Controversy in Great Britain in Last Third of 18th Century. *Nauchnyi dialog*, 9: 324—341. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-9-324-341>. (In Russ.).
- O'Gorman, F., Fraser, P. (1987). Party Politics in the Early Nineteenth Century (1815—1832). *English Historical Review*, 102 (402) (January): 54—71.
- O'Gorman, F. (1997). *The Long Eighteen Century: British Political and Social History, 1688—1832*. London: Hodder & Stoughton. 438 p. ISBN 034056752X.
- Poole, R. (2006). «By the Law or by the Sword»: Peterloo Revisited. *History*, 91 (302): 250—263.
- Sack, J. (1993). *From Jacobite to Conservative: Reaction and Orthodoxy in Britain, 1760—1832*. Cambridge: University Press. 292 p. ISBN 0-521-43266-9.

Статья поступила в редакцию 13.03.2022,
одобрена после рецензирования 04.05.2022,
подготовлена к публикации 05.06.2022.